

Станислав Травкин

КНИГА ПЕРВАЯ

Сильнее льва и слаще мёда

ПОСЛЕДНИЕ СУДЬИ

Станислав Травкин

Последние судьи. Сильнее льва и слаще меда. Книга первая

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6540276

*Последние судьи. Сильнее льва и слаще меда. Книга первая: Издать
Книгу; М.; 2014*

Аннотация

«Те из людей, что смогут выйти сегодня из своих домов, не увидят прежнего мира, ибо его больше нет. Зверь с легионами демонов вышел из моря и сел на трон». Марко Хан – благородный разбойник, командир одной из самых дерзких разбойничьих банд, который не убивает без нужды, избран посланником небес, чтобы идти и ничего не бояться, «потому что и демоны ему покорятся». «Кого можете очистить словом – очищайте, а кого не можете, избавьте от страданий». Робин Гуд, охваченной войной Славии, с открытой всегда и перед всеми душой, и маленькая разбойница встретились в Ринермо, разрушенном землетрясением. Постапокалиптические пейзажи, пожары и крики людей, безликие солдаты князя тьмы – хозяева мертвого города, люди, обратившиеся в одержимых, людоеды, демоны и демонессы – «те, кто приходит без приглашения в незанятый Богом дом», те, что разжигают страсть и те, кто

приносит печаль, «несчастные, чьими телами завладел отец лжи. Они убивают людей с такой лютой злобой... но в церковь зайти им не под силу»; самая древняя библиотека в мире, девять книг, дающих человеку безграничную власть не только на земле, но и не небе; алхимик и философский камень...

«Но древнее зло бродит по подземельям и скоро может вырваться наружу». Суровые ангелы следует за Марко и Катариной. Дом, то есть душа человека, открыта либо для Бога, либо для дьявола. Кто одержит победу?

«Вера – вот тот щит и те доспехи, и отправились они туда, куда направлялись и раньше – в сторону вечно далекого, недоступного горизонта»...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Станислав Травкин

Последние судьи.

Сильнее льва и слаще мёда. Книга первая

Есть такая поговорка: «лучшие синица в руках, чем журавль в небе». Я никогда не смогу с ней согласиться. Мне не нужны ни одна, ни десять, ни тысяча синиц, пока где-то в небе летает мой журавль. Когда я встречу свою птицу, я смогу посмотреть ей в глаза и искренне сказать: «Я искал тебя всю жизнь потому, что я люблю тебя». Вы возразите мне, мол, кто его знает, есть ли вообще на свете этот загадочный журавль? Может быть, она уже жарится на вертеле, сбитая стрелой лесника, а может быть, её и вовсе никогда не существовало на свете? Пусть так, но если моя птица всё же где-то летает, если есть хотя бы один шанс повстречать её, пускай, всего лишь один шанс из миллиарда, я рискну, потому, что знаю, она того стоит.

Марко

Глава 1

Пушистый белый снег толстым покрывалом ложился на вечерние улицы Ринермо. Зимы в этих краях снежные, но безветренные, и от этого холод совершенно не ощущается. Когда-то очень давно, лет восемь назад, я с университетскими товарищами отмечал здесь новый год, тогда эти старинные дома и каменные мостовые, покрытые снегом, создавали ощущение волшебного праздника. Именно такого праздника мне давно не хватало, и, может быть, поэтому я приехал сегодня в этот городок, в надежде почувствовать то, что чувствовал раньше. Однако в то самое мгновение, когда я спрыгнул с подножки поезда и зашагал к выходу со станции, я понял, что приехал совсем в другой город. Нет, Ринермо не изменился, изменился я.

За эти восемь лет я из никому не известного юнца превратился в командира одной из самых дерзких разбойничьих банд и нашел десяток отличных товарищей. Четверо из которых до конца своей жизни будут мерить шагами камеры центральной тюрьмы альянса, а шестеро один за другим отправились в тот мир, который принято называть лучшим. Была ещё парочка друзей, отвернувшихся от меня добровольно по собственному желанию. Впрочем, осуждать их я не стал тогда и не стану сейчас – каждому своё. Вот так в двух словах я рассказал вам о себе и о том, как я остался совершенно один

на улицах города моей юности, с легкой сумкой на плече и тяжелым сердцем.

Я не пессимист и не меланхолик, но иногда мне бывает очень грустно. Эта какая-то совершенно особенная грусть, с одной стороны, ты понимаешь, что, в принципе, всё очень даже неплохо, и вера в душе не пускает уныние даже на порог, но... как бы высокопарно это ни звучало, душевные раны начинают болеть и кровоточить, не спрашивая на то разрешения. Суровая стальная маска воителя падает, открывая вполне человеческое лицо с детскими глазами, на которых блестят слезы. Именно в такие моменты человек очень остро ощущает свое одиночество. Одиночество среди толпы знакомых, товарищей и друзей, которые никогда тебя не поймут, а если и поймут, то уж точно не смогут взглянуть на мир твоими глазами.

Так или иначе, я брел по заснеженному городу, погруженный в свои мысли, и смотрел на падающие снежинки. Редкие прохожие кивали мне головами в знак приветствия и продолжали свой путь, кто-то торопливо почти бегом, кто-то не спеша, прогулочным шагом.

Из переулка вынырнула женская фигура в армейской куртке войск коалиции и бордовом платке, повязанном на пиратский манер. Надо сказать, что такой наряд выглядел вполне обычно для здешних мест. Ринермо представлял собой своеобразный оазис, куда стекалась самая разношерстная публика со всей охваченной войной Славии. Казалось

бы, такого рода солянка из бойцов войск коалиции, наемников, бандитов, беглых заключенных и туристов должна была превратить город в подобие грязновато-неспокойного Лорд-тауна, но этого почему-то не случилось. Клев, Заград и Лянцы превратились в руины, Варнати и Конерту с утра контролировались войсками коалиции, а ночью – бандами повстанцев, и только в Ринермо на окнах стояли цветы, мощные уловочки подметали пожилые дворники в желтых комбинезонах, и сегодня люди жили так же, как и сто лет назад.

Не могу объяснить, почему, но что-то в походке этой девушки меня насторожило, и через мгновение я понял, что интуиция меня не подвела. Плечо девушки соприкоснулось с плечом пожилого господина в длинном старомодном пальто, а рука с изящными пальцами змеей скользнула в его широкий карман, прихватив увесистый кошелек. Незнакомка проделала всё настолько профессионально, что ни пожилой господин, ни его спутница, ни даже официант, стоящий у дверей ресторана, ничего не заметили.

Упорхнувший из чужого кармана, кошелек сразу же нашел свое место под курткой воровки, и в следующее мгновение её острый взгляд буквально столкнулся с моим. Чисто сработано, я улыбнулся и, показав ей большой палец, поднятый кверху, продолжил свой путь. За несколько секунд в глазах девушки отразилась целая гамма чувств: испуг, удивление и благодарность.

Вы, наверно, захотите узнать, почему я просто оставил эту

незнакомку позади, не познакомившись с ней и даже не заговорив? Пару лет назад, пожалуй, я бы так и поступил, хотя бы из чистого любопытства, тем более что девушка была очень недурна собой. Пару лет назад, но не сейчас. Все мои короткие и бурные романы, которых, к слову, было не так уж и много, заканчивались одинаково печально. Всё дело в том, что я верю в любовь. Да-да, именно так, можете смеяться надо мной, сколько вашей душе угодно. Я верю в любовь и не признаю ни полутонов, ни компромиссов. Одна жизнь – одна любовь. До самой смерти и даже после нее. К сожалению, те девушки, которых я встречал за двадцать восемь лет моего пребывания в этом мире, не были готовы к серьезному самопожертвованию. А может быть, просто не умели любить, ведь когда ты кого-то любишь, то, не торгуясь, просто вываливаешь все, что у тебя есть за душой, и ни о чем не жалеешь...

Не надо думать, что я разочаровался в женщинах и не хочу больше никаких отношений, это не так. Сказать такое может либо подросток в период полового созревания, либо полный идиот. Любому человеку нужна пара, родственная душа, если угодно – спутница. Найти такую душу ох как непросто, а иной раз и больно. Ведь во время поиска ты не раз ошибешься и напорешься оголенным сердцем на острую бритву непонимания или того хуже – предательства. Есть такая восточная мудрость, в которой говорится, что если ты откроешь свою душу перед всеми людьми, в нее непременно на-

плюют и даже со сладострастием садиста нагадят, но закрыв её, ты можешь попросту пропустить того единственного человека, приготовленного Богом именно для тебя. Того, который войдет к тебе в сердце, как меч в сделанные на заказ ножны. Вот поэтому я и держу свою душу открытой всегда и перед всеми, а когда слезы боли и унижения застилают глаза, то просто жду. Рано или поздно их поток иссякнет, и можно снова продолжить свой путь.

День моего возвращения в Ринермо был как раз тем периодом жизни, когда надо было дать разрыдавшемуся сердцу вдоволь наплакаться и успокоиться. Именно поэтому я, устало прихрамывая, брел по белым улицам, и именно поэтому я прошел мимо.

Меньше чем за час я обошел весь Ринермо, точнее всю его центральную часть. Не без труда мне удалось отыскать тот ресторан, в котором восемь лет назад я с товарищами отмечал какой-то безымянный праздник. На неоновой вывеске «Мама Клоринда» горели только две буквы «М» и «К», а одно из окон было забито фанерой. «Стоит ли заходить сюда или поискать местечко поаккуратнее», – размышлял я, прислонившись к витому фонарному столбу. Дилемму в пользу Мама Клоринды помог решить мой правый бок, который нещадно болел от долгой ходьбы. В прошлом году я со своей веселой командой попал под огонь войск коалиции в Лянцах. Самое обидное было то, что мы не были повстанцами, и вся эта политическая возня в Славии интересовала нас ровно

настолько, насколько политика вообще может интересовать разбойников. Но, увы, никто не застрахован от того, что называется «оказаться не в том месте, не в то время». Потеряв одного бойца, мы прорвались сквозь кольцо войск коалиции и только минут через десять, уже в машине, я обнаружил, что из моего бока торчит зазубренный осколок. Рана никак не хотела заживать и даже сейчас часто напоминала о себе.

Страхнув на пороге снег с обуви, я вошел внутрь. У окна сидела молодая парочка, а за барной стойкой какой-то уса-тый тип с огромной кружкой местного пива. Я поднялся на второй этаж и занял место в углу.

Только я успел перевести дух и заказать чашку кофе, как закрипели ступеньки, ведущие на второй этаж ресторана, и в зал вошла та самая девушка, с которой мы встретились на улице при столь необычных обстоятельствах.

Зал был невелик, да и посетителей в нем, кроме меня, не было, поэтому гостя сразу же увидела меня и подошла к моему столику. «Поблагодарить, наверное, хочет, что не выдал её», – пронеслось в голове.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – ответила мне незнакомка каким-то серебряным голосом. – Я присяду?

– Присаживайся, дорогая, в ногах правды нет. – Я отодвинул для нее ногой стул, и девушка села. Отчего-то мне показалось, что моя новая знакомая слегка смущается.

– Я Катарина, – представилась она.

– Марко. – Я протянул ей руку, и она сразу подхватила её и крепко пожала с неожиданной для девушки силой. Мое рукопожатие как будто приободрило Катарину. Неловкое напряжение отступило, и она заговорила слегка сбивчиво, но уже более раскованно.

– Хотела сказать «спасибо». Я вообще редко попадаюсь... второй раз вот так. Поначалу даже слегка испугалась, думала уже бежать но... не пришлось, слава Богу. Спасибо.

– Не за что, – улыбнулся я. – Не думаю, что с того господина убудет. А ты ему даже одолжение сделала, позволила поучаствовать в благотворительной акции в пользу нуждающихся.

Мы с моей новой знакомой, не сговариваясь, рассмеялись.

– Вот... – Катарина достала из кармана деньги, очевидно, половину содержимого кошелька, явно намереваясь отдать их мне.

– Это совсем не обязательно, – сказал я и тут же подумал, что прозвучало как-то жестковато. Приготовила ведь девочка, заранее отсчитала моя долю, а я отказываюсь, принца из себя строю.

– Ладно, если очень хочешь поблагодарить – заплатишь за обед, идёт?

– Идет, – радостно согласилась Катарина и убрала деньги. Знакомство состоялось. Напряжение окончательно улетучилось, и мы разговорились, так, как могут разговориться либо старые знакомые, либо люди, у которых очень много

общего. Катарина, как и я, приехала в Ринермо из северо-западной Славии, почти без гроша в кармане. Она тоже была не в ладах с законом, и её тоже совершенно не интересовала политика. После того как началась гражданская война, детский дом в городе Лянцы остался без надзора, и его обитатели, в числе которых была семнадцатилетняя Катарина, оказались на улице в самом буквальном смысле этого слова. Часть вчерашних детишек пополнила ряды бродяг, часть была завербована повстанцами, имевшими острую нужду в молодых бойцах. Катарина попала в отряд полевого командира Драгана по прозвищу «Боян». Надев военную форму и взяв в руки оружие, ребята почувствовали себя настоящими профессионалами, которым под силу если и не все, то очень многое. Первый же бой вернул детдомовцев на грешную землю, грязные, избитые, до полусмерти напуганные и оглушенные, с глазами побитых собак, они жались к огню костра и до смерти не хотели возвращаться туда, где страх на пару со слепой смертью превращали живых людей в манекены с пустыми, широко открытыми глазами.

– И долго вы у Бояна были? – поинтересовался я.

– Что-то больше года вроде, – задумалась Катарина, прикидывая в уме время. – Потом Боян погиб, и отряд раскололся, ну а дальше – кого постреляли, а кто разбежался.

– Если мне память не изменяет, там всю высотку, где штаб квартира была, с землей сравнили.

– Именно так. А ты откуда знаешь? В газетах только о по-

годе и знаменитостях писали, – рассуждала девушка, – значит, где-то рядом был, по соседству?

– Ну да, по соседству. Имели дело с вашими, но, правда, редко. Политические они, ты не обижайся, такие же разбойники, но только никогда в этом не признаются, ещё и молодым всякой ерундой головы забьют, чтоб умирали с радостью.

– Это точно. Я бы с удовольствием к вашим ушла, только не приглашал ваш командир, как его звали, не знаю... – задумчиво сказала Катарина, глядя себе под ноги, и тут же сама улыбнулась своей серьезности.

– Ну почему же «звали», он жив, хотя и не очень здоров, сидит перед тобой, и зовут его – Марко, слышала?

Глаза девушки округлились: – А как же! Кто ж не слышал. Ты, как Робин Гуд, про вас разве что песни не поют. Вот почему меня к себе не звал? Я бы ни секундочки не думала.

– Ну, вот теперь приглашаю, присоединяйся, коли хочешь. Правда... у меня уже и команды-то нет, один я остался.

– Теперь не один! Я с тобой буду. – Глаза девушки буквально светились от детского восторга. – А правда, что вы театр ограбили, когда там сам президент альянса оперу смотрел? А кортеж посла из Атланты?

– Кортежи послов несколько раз брали, их только ленивый грабить не станет, в театре тоже были, но про президента... это вы лишку хватили. – Я не смог удержаться от смеха. – А

ты по карманам здорово лазишь, я признаться, аж удовольствие получил.

— Скажешь тоже... здорово, — щеки Катарины порозовели, а я невольно залюбовался. Как же я люблю эту естественную и нелицемерную скромность, что так редко теперь встретишь в людях. Людях, которым не одно десятилетие подают бесстыдство под соусом добродетели.

За разговором мы не заметили, как пролетело время и на город опустилась ночь. Хозяин, он же официант и бармен ресторана, учтиво приглушил свет на первом этаже, давая нам понять, что пришло время закрытия.

Катарина расплатилась за нас обоих, как обещала, и мы вышли на ночную улицу. Было скользко, и я предложил своей спутнице руку, за которую она уцепилась, как утопающий цепляется за край катера. Ещё пару часов назад я был совершенно один, а теперь рядом со мной по скользкой улице шагает девушка, которая считает себя частью моей команды, состоящей из нас двоих. Вот уж действительно пути Господни неисповедимы...

Глава 2

Я проснулся около пяти часов утра от петушиного крика. Рядом на огромной кровати клубочком свернулась моя новая знакомая. Откинул свою часть одеяла, встал и подошел к окну. Маленький внутренний дворик дешевого мотеля, в котором мы вчера остановились, был завален всякой рухлядью и от этого напоминал большую кладовку.

– Доброе утро, – в голосе Катарины не было ни грамма утренней сонливости, как у солдата, для которого процесс сна не более чем время, необходимое для отдыха организма.

– Привет. – Я обернулся. Катарина сидела на кровати, свесив ноги. Её черные, как воронье крыло, волосы красиво падали на плечи, смуглые руки были украшены татуировками. На левом предплечье – группа крови, на правом – геральдический лев. С правого и левого плеча сурово глядели ангелы. Заметив, что я с любопытством смотрю на изображения, девушка спрыгнула с кровати и сделала пару шагов ко мне, чтобы я смог получше их рассмотреть.

– Красиво сделано! А ещё есть?

– Есть. На всю спину. Самсон упирается в колонны дворца филистимлян. Девушка повернулась спиной и приподняла майку цвета хаки.

– Ух ты. Никогда не видел таких масштабных наколок у девушек. Разве что у шлюх, но у них это выглядит вульгарно

и отвратительно, а ты прекрасна, как Сикстинская капелла. — Мы, не сговариваясь, рассмеялись.

— У тебя тоже красивая... — Катарина протянула руку к моему плечу, но в последний момент заколебалась и вопросительно на меня посмотрела. — Можно?

— Можно, конечно, не кусается.

— Как настоящий... — Ладони девушки были теплыми и шершавыми бугорками, какие бывают от постоянной работы или физических упражнений. Внезапно мне захотелось обнять Катарину, смуглую, атлетично сложенную и такую... настоящую. Настоящую, как обнаженный клинок, суть которого на сто процентов совпадает с его формой. Эта девушка была во сто или даже в тысячу крат привлекательнее любой из тех, что я встречал когда-либо. Ей не нужно было ни наряжаться, ни причесываться, ни наносить макияж для того, чтобы стать красивее. Здесь и сейчас в её образе было все, что нужно, и ничего лишнего.

Я не знаю, уместно ли было вот так посреди разговора взять и обнять мою собеседницу, но знаете... когда вам хочется сделать или сказать что-то, по настоящему важное, то не стоит откладывать это на потом, просто потому, что никакого «потом» не существует. Вы можете лишь предполагать, что будет следующая минута, час, день, но вы никогда не знаете этого наверняка.

Чувство, побудившее меня сделать это, было несоизмеримо глубже простого телесного желания, объятия такого рода

вызваны желанием прижать к себе как можно ближе кого-то очень-очень ценного и близкого. Близкого настолько, чтобы, не задумываясь, слиться, открыв перед ним свои мысли и распахнув своё сердце.

Руки Катарини, в свою очередь, сомкнулись вокруг моего торса, так плотно, что, казалось, нет на свете силы, способной их разомкнуть. Не знаю, сколько длилось это неожиданное объятие, несколько секунд, а может быть, и минут, но за всю свою веселую жизнь я не испытывал столько счастья, как за этот короткий миг.

Когда мы выпустили друг друга, моё сердце колотилось так, будто я уходил от погони, а глаза Катарини были влажными.

– А неплохо бы чего-нибудь перекусить, как считаешь?

– Очень даже неплохо, – девушка улыбнулась, как улыбается ребенок, которого пригласили в парк аттракционов.

На то, чтобы принять душ и одеться, у нас с Катариной ушло не больше тридцати минут, хотя никаких причин для спешки не было. Странная все-таки штука – привычка. Моя спутница натянула ту же самую темно-синюю рубашку и военную куртку, что и вчера, а я – своё любимое кожаное пальто с изображением орла на спине и индейской бахромой.

Я ткнул пальцем в эмблему вооруженных сил альянса на рукаве Катарини.

– Это что, традиция повстанцев такая – носить вражескую форму? Или маскировка?

– Маскировка – не маскировка, но в форме альянса, и правда, патрули останавливают гораздо реже, а вообще, это трофей, снятый с убитого офицера. Зима тогда была холодная...

– Молодчина. Расскажешь потом эту занимательную историю.

– Расскажу, – отозвалась Катарина, и мы направились к выходу. Позавтракав в той же самой «Маме Клоринде» и расплатившись, мы выложили из карманов все оставшиеся финансовые ресурсы, чтобы подсчитать остаток наших общих средств. Денег у нас оставалось около двухсот долларов, которые при желании можно было растянуть на семь-восемь дней, но бережливость никогда не была моей сильной стороной, поэтому мы решили заглянуть в карманы горожан с помощью таланта Катарины.

Трудно было придумать место, подходящее для карманной кражи лучше, чем очередь в театральные кассы. Катарина аккуратно протискивалась между незадачливыми театрами, а я прикрывал её сзади от случайных взглядов. Избавив нескольких господ от тяжкого груза наличности, мы решили закончить наш рабочий день и немного отдохнуть.

– Ну что, маленькая разбойница, куда пойдём? – я игриво толкнул Катарину в плечо.

– Не знаю даже... – Моя подельница снова засмушалась, как бывало всегда, когда я начинал хвалить её либо спрашивал о чем-то таком, что, по её мнению, решать должна была

не она.

– Давай-давай, решай! Куда скажешь, туда и пойдем, – не унимался я, с любопытством наблюдая, как её щеки розовеют ещё сильнее. – Перестань ты уже стесняться, маленькая, решай! Можем в тот же самый театр пойти, где мы с тобой сегодня зарплату получили, или, скажем... в кино?

– В кино, в кино! – радостно подхватила Катарина и указала на виднеющееся здание кинотеатра. – Я в таком большом не была ни разу.

– Ну, вот мы сегодня это и исправим!

– Только... я не знаю, какой фильм выбирать... – девушка закусила губу.

– Ладно, ладно сам выберу, – поспешил я успокоить подельницу. – Какая ты, однако, стеснительная. И это исправлять будем.

– Ладно, – с облегчением вздохнула Катарина, и мы рассмеялась от осознания нелепости этого разговора.

На афише кинотеатра было всего три фильма: ужасы, комедия и что-то про войну. Поразмыслив, я сделал выбор в пользу ужасов, и, взяв по большому стакану газировки, мы пошли искать свои места.

Вопреки моим ожиданиям, ничего по-настоящему пугающего мы не увидели, более того, некоторые моменты показались нам откровенно нелепыми. Например, во время одной из сцен, когда главная героиня, напуганная каким-то маньяком, с дикими воплями носится по коридору старого особ-

няка, Катарина наклонилась к моему уху и прошептала: – Как ты думаешь, почему она так орет? Почему бы ей не взять ружье, которое висит на стене в зале, и не пристрелить этого типа?

– Наверное, потому, что она просто слабая испуганная женщина, а будь там такая крутая детка, как ты, это был бы не ужас, а боевик, – пошутил я и прижал девушку к себе. Катарина улыбнулась и положила голову на моё плечо. Через несколько минут по её дыханию я понял, что она спит.

– Надо было идти на комедию, – усмехнулся я, когда мы вышли на улицу. – Ну, хорошо хоть выпалась.

– Здорово выпалась, это точно, – засмеялась Катарина. – Ну, фильм все равно какой-то...

И я не мог не согласиться со своей прекрасной поделницей. Фильм действительно был так себе, и будь мы с Катариной режиссерами, то наверняка сняли бы картину поинтереснее и уж точно пострашнее, по крайней мере, нам так казалось.

К вечеру у меня опять разболелся бок. Первое время я старался не подавать виду, но от внимательных глаз Катарины трудно было что-то скрыть. Будь на её месте другая девушка, я ограничился бы короткими исчерпывающими ответами и постарался бы сменить тему разговора, но эту девушку явно заботил вопрос моего самочувствия, может быть, даже больше, чем он заботил меня самого. А разве можно проигнорировать вопросы того, кто, затаив дыхание, ждет на

них ответа? Разве можно попросту отмахнуться от небезразличного взгляда, направленного в самую душу?

Катарина просунула руку под одежду и прижала её к больному месту: – Здесь?

– Да именно здесь. – Прикосновение теплой ладони было приятно и как будто уменьшало боль. – Не убирай руку, – замучено улыбнулся я.

– Не буду, – прошептала Катарина и принялась осторожно водить ею по кругу. – К врачу бы тебе надо, там, правда, только по документам. У тебя как с документами?

– В том-то и дело, моя хорошая, что плохо. Паспорт-то у меня есть, но вот написано в нем – Марко Кадич. Такой документ в регистратуре оставить – это даже не прокол, а анекдот. Через десять минут половина жандармерии сбежится.

– Да... – задумчиво протянула девушка. – А я, к сожалению, не доктор и ничего в этом не понимаю. Хотя... можно помолиться вместе.

Я отмахнулся: – Стоит ли беспокоить Бога по таким пустякам? Просить корку вчерашнего хлеба у того, кто предлагает тебе весь мир, – это даже не глупость, это неуважение.

– И то правда... ну... а если я попрошу Бога о твоём исцелении, ты не будешь против? Это уже не будет неуважением. Ведь когда человек тебе дорог, то ты не только от смерти, но и даже от занозы его избавить стараешься. Так ведь?

– Так, моя хорошая, так. Я не против. Спасибо тебе.

– Пока не за что, – улыбнулась Катарина.

Боль отступила, и мне даже показалось, что бок больше не побеспокоит меня сегодня, но я ошибся. Стоило мне пройти полсотни метров, как рана снова дала о себе знать. Ощущение было такое, словно мне засадили в бок кусок зазубренного раскаленного железа.

– Поехали домой, – сказала Катарина. Спорить у меня не было ни сил, ни желания.

– Лови такси.

Приехав домой, я устроился на диване перед телевизором и решил, что не буду никуда выходить, по крайней мере, пару дней.

– Так значит, ты религиозна? – скорее констатировал факт, нежели спросил я. – Здорово... И надо полагать, православная...

– Ну да... православная. Потому и ангелов на плечах наколола. Наш местный священник не слишком это дело одобрял, но если уж набила, говорит, следи теперь, чтоб не оскверняли святыни блудливым прикосновением. Вот за четыре года никто и не трогал.

– За целых четыре года ты, значит, не была ни с кем? – я был в полном восторге от этой девушки. В наше время несколько месяцев воздержания считается большим сроком, а тут, четыре года!

– Ну да, не была, – равнодушно пожала плечами Катарина. – Честно говоря, мне и не хочется совсем... не хотелось,

по крайней мере.

Я заулыбался: – А моё прикосновение осквернит рисунки, как думаешь?

– Нет, – выпалила юная подельница и тут же снова уже более смущенно добавила: – Нет, не осквернит. Тебе можно.

– Спасибо, – я притянул Катарину к себе и положил голову на её плечо. Девушка обняла меня в ответ.

– Тебе можно, – повторила Катарина. Только я не была же ни с кем, не знаю почти ничего и оттого могу показаться грубой или суровой... но это не так. Вот... – Девушка явно не находила слов от смущения.

– Не смущайся, пожалуйста, – я посмотрел в темные глаза своей подельницы. – Вообще не смущайся со мной. Я тебя понимаю, и ты совсем не грубая и не суровая, ты именно такая, какой должна быть, и нравишься ты мне гораздо больше, чем все, кого я когда-либо встречал.

Катарина задыхалась от волнения.

– Хорошо. Не буду смущаться. Ты тоже лучше всех. – Девушка прижалась ко мне ещё крепче.

Глава 3

После того как я заснул, Катарина всю ночь молилась о моем исцелении, хоть я и считал, что в этом нет нужды. Уже под утро она пристроилась рядом и тихо засопела со счастливой улыбкой на смуглом лице. Так улыбается ребенок, который на сто процентов уверен, что все будет хорошо, просто потому, что иначе и быть не может.

Видимо, молитва маленькой разбойницы и правда была чудодейственной, потому как боль в раненом боку прошла и больше уже не возвращалась.

Многие достойные люди всю свою жизнь молят Господа о чем-то и не получают этого, а молитва воровки была услышана в ту же ночь. Поймите меня правильно, я не призываю вас грабить или воровать, но лишь хочу сказать, что порой преступники в своей горячей молитве и готовности отдать всего себя без остатка бывают ближе к Богу, нежели иные праведники.

Всегда, когда я думал об этом, мне в голову приходил стих из Евангелия от Матфея – «грешники и мытари впредь вас идут в Царство Небесное». Дай-то Бог...

Проснувшись, первое, что я увидел, были глаза Катарины, большие, черные и глубокие. Девушка просто лежала рядом и, подперев голову ладонью, смотрела, как я сплю, внима-

тельно, как художник, который собирается запечатлеть в памяти лицо человека, с тем, чтобы отобразить его потом на своем холсте.

– Доброе утро, маленькая. Что ты так смотришь, или я кричал во сне? – спросил я, зевая и потягиваясь.

– Доброе утро... Марко, – первый раз за время нашего знакомства Катарина назвала меня по имени. – Кричать не кричал, бормотал что-то и как-то будто испугано.

– Расскажи, что снилось? Ну расскажи... а? – положив голову мне на грудь, допытывалась девушка.

Я поморщился будто от зубной боли.

– Мерзкий сон один. С самого детства снится. Будто смотрю я из окна и вижу, как какой-то азиат маленькую девочку насилует, ну я кричу ему, мол, «Что ж ты, падла, делаешь, сейчас спущусь и на части порву», а он оборачивается с такой улыбочкой сумасшедшей и говорит: «Спускайся, малыш, спускайся», – и тут я осознаю, что я сам ещё ребенок, мне лет десять, не больше. Мне становится так страшно, что начинают дрожать ноги. Я бросаюсь искать какое-нибудь оружие, но не нахожу ничего, способного остановить его. Это существо – не человек, демон, и он уже стоит передо мной, готовясь броситься. Я начинаю читать молитву, и он отступает, но как только язык мой запинается или мысли путаются, он снова нападает. Вот так мы воюем друг с другом, враг рода человеческого и маленький испуганный ребенок. А потом я просыпаюсь, и мне становится стыдно за то, что

я его испугался. Ужасно стыдно.

— Да такая встреча кого угодно испугает, чего тут стыдиться... Главное, что не сдался без боя и за девчонку вступиться попытался. Попытаться — это уже немало...

— Каждый попытался бы...

— Не каждый. Когда меня насиловали, никто не попытался. Просто проходили мимо, а кое-кто даже смеялся.

— Кто тебя так? Разбойники?

— В том-то и дело, что не разбойники, а те, кто должен за порядком следить, — грустно улыбнулась Катарина.

— Вот же скоты! — я вскочил с кровати и, не в силах сдерживать гнева, принялся ходить по комнате. — И сильно они тебя?

— Сильно. Руку сломали, ребра, нос. Потом штыком туда... — Катарина показала себе между ног.

Я буквально выл от бессильной ярости, окажись я сейчас там, и десяток автоматчиков не смогли бы меня остановить. Схватив тумбочку, первое, что попало под руку, я швырнул её в стену.

Катарина не стала ничего говорить, просто подбежала ко мне и, обняв за шею, принялась успокаивать.

— Тише, Марко, тише... Ну что ты, а? Это давно было ведь. Видишь, со мной все в порядке. Пожалуйста... Успокойся, не переживай так.

Прошло минут пять, прежде чем я смог взять себя в руки.

— Покажи! — скорее потребовал, чем попросил я. Девуш-

ка не стала возражать и, спустив трусы, показала мне то, что четыре года не видел никто, кроме самой Катарина. Влагище девушки было испещрено давно зажившими толстыми шрамами, какие остаются от рваных ран. Бедная девочка, кем же надо быть, чтобы сотворить такое? Я помог своей подруге одеться и, взяв на руки, отнес на кровать.

– Ужасно, правда? – прошептала Катарина, потупив взгляд в пол.

– Ничего такого, маленькая. Главное, что всё зажило. А со шрамами ты или без шрамов, какая разница? Всё равно самая красивая, – произнес я, и видит Бог, это была чистая правда.

Глава 4

Когда тебя разыскивает вся жандармерия Славии и ты не можешь вспомнить, как это – спать без одежды, когда каждый прожитый день стоит десяти и по утрам тебя будит не чашка кофе, а кипящий в крови адреналин, то рано или поздно захочется послать всех и всё как можно дальше и просто отдохнуть в тихом спокойном местечке. Спать до двенадцати, ходить среди толпы людей, не оглядываясь, и просто ничего не делать. Но вот ведь в чем штука, пройдет день, неделя, месяц, и тебе станет до смерти скучно. Тишина, которой раньше так не хватало, будет столь оглушительной, что захочется закрыть уши ладонями и бежать, бежать, бежать... туда, где даже ночью не гаснет свет и ни на мгновение не смолкает звук. Бежать туда, где ты должен быть просто потому, что это твоё место.

Прошла всего лишь неделя в Ринермо, а я уже начал скучать без крупных дел. Ещё один-два дня и снова закрутится и понесется лихая разбойничья жизнь, но перед тем, как с головой прыгнуть в родную прорубь, я должен был поговорить с Катариной. Одно дело – зарабатывать на жизнь, подрезая карманы, совсем другое – грабить людей с оружием в руках, грабить без маски, представляясь своим именем. Каждый из членов моей бывшей команды был почти знаменитостью, поэтому, прежде чем вписать Катарину в этот «клуб», я должен

был убедиться, что она понимает, на что идет, и что самое важное – действительно хочет этого.

Я попытался собраться с мыслями и решить, как начать этот разговор, но почему-то ничего не приходило в голову. Мне вспомнились строки из хагакурэ: древние учат, что человек должен принимать решение в течение семи вдохов и выдохов. Но для этого нужно быть настойчивым и готовым сокрушить все на своем пути.

Когда я выдохнул в седьмой раз, в моей голове по-прежнему не было ни одной мысли, но меня это больше не беспокоило. Я просто подошел к лежавшей на кровати Катарине и сел рядом. Моя подруга внимательно смотрела на меня своими черными, как ночь, глазами.

– Послушай, моя маленькая, – главное было начать, а уж дальше слова понесутся, как выпущенные на свободу голуби.

– Слушаю, дорогой, – огромный знак вопроса буквально повис в воздухе.

– Завтра мой отпуск закончится, и я снова вернусь к своему ремеслу. Катарина вся превратилась в слух, по-прежнему не понимая, к чему я клоню.

– Ты должна решить, хочешь ли ты участвовать в этом или нет. В любом случае я тебя пойму.

Девушка выдохнула с облегчением, как выдыхают люди, которые, приоткрыв дверь неизвестности, видят за ней хорошо знакомую комнату.

– Конечно, я с тобой, я тебе ведь ещё в первый день ска-

зала. Я своих слов не меняю или... может, надоела тебе? – Улыбнувшись, Катарина толкнула меня в плечо.

– Ты удивительная девушка, как ты можешь надоесть? А главное – ты меня понимаешь. Одна во всем мире. Просто я хотел убедиться, что ты до конца осознаёшь, что будет представлять собой наша жизнь, и не ждёшь от меня того, чего я никогда не смогу тебе дать... Меня могут поймать, а если поймают, то, кроме высшей меры, мне ничего не светит. Меня могут убить в любой день, как через пару лет, так и завтра. Я не могу тебе предложить такие нужные всем людям вещи, как покой, дом, дети, старость. Всё, что я тебе подарю, – это моё сердце, всё, без остатка. Вот такая паршивая сделка, моя маленькая. Потому и спрашиваю.

На губах Катарина играла понимающая улыбка, а по щекам текли слёзы.

– То, что ты можешь предложить, стоит для меня больше, чем всё золото мира. Мне не нужно ни дома, ни детей, ни покоя, ни долгой жизни. Я с тобой до самого конца, когда бы он ни наступил, и как ты сам любишь говорить, даже после него.

Никогда ещё я не видел в глазах девушки такой силы и уверенности.

– Что ж, со мной – так со мной. Закончим этот разговор. Я крепко обнял Катарину и сам расплакался, как девчонка.

Утро выдалось морозным, редкие пешеходы, подняв воротники, спешили по своим делам, а белый пушистый снежок хрустел у них под ногами, словно квашеная капуста. В такие дни до смерти не хочется выходить из дома, разве что на короткое время, чтобы, не успев как следует замерзнуть, тут же нырнуть обратно в уютное натопленное помещение.

– Если верить прогнозу, то потеплеет через неделю, не раньше, – задумчиво проговорил я, завязывая шнурки на ботинках. – Вот заделаем с тобой парочку дел и поедем с гастролями на юг.

Услышав слово «юг», Катарина блаженно улыбнулась и ткнула головой мне в плечо.

– На юг – это хорошо.

Я повернул голову и коснулся её уха своими губами.

– Холодно тебе тут, цветочек...

– Какой же я цветочек, совсем не цветочек, – зарделась Катарина, – надо же такое сказать, я – цветочек! – Девушка весело засмеялась, и я с удовольствием к ней присоединился.

В обнимку мы вышли на заснеженную улицу и, условившись встретиться в ресторане «Мама Клоринда», разделились. Катарина должна была снять нам квартиру на окраине Ринермо, а я – найти цель для завтрашнего налёта.

По-хорошему, поиск цели надо начинать как минимум

за неделю до дела, чтобы было время детально всё продумать, понаблюдать, изучить расписание. К сожалению, эту часть своей работы я любил меньше всего и всегда перекладывал её на плечи своих товарищей по оружию. Я улыбнулся нежданным воспоминаниям, и у меня в голове отчетливо зазвучал голос члена моей команды, азиата Вазбая по прозвищу Запын: «Увидел – сразу идти – хорошо нет. Если время не знаешь, город не знаешь, всегда боком выйдет. Всегда свиньи жандармы как из-под земли вылезут».

Когда Запын нервничал, он почему-то всегда краснел, как помидор, и облизывал губы – «Марко, что ребёнок. Увидел – хочу, берём! Посмотреть – нет. Подумать – нет. Как можно?»

Увы, осторожность не спасла Запына от виселицы. Его взяли в ночном клубе «Бунгало» по вине какого-то дальнего родственника, переборщившего в ту ночь с выпивкой и кокаином. Запын стоял на эшафоте ровно, как в строю, с гордо поднятой головой, и лишь в последнее мгновение, в его узких глазах мелькнул страх. Такой детский и такой искренний ужас. Я до сих пор помню этот взгляд Запына и его немой крик: «Не хочу, не хочу, не хочу! Пустите! Мама!»

Пронзительный гудок трамвая вернул меня из мира воспоминаний. Надо найти цель. Что-то небольшое, чтобы можно было управиться вдвоем. Чаще всего попадались на глаза аптеки... «Нет, там не бывает больше двух тысяч в кассе, слишком мелко», – рассуждал я. Пару раз наткнулся на павильоны альянс-банка. Ох, как я любил навещать эту кон-

тору в Лянцах! Однако сегодня в нашем распоряжении был только один ствол на двоих, а транспорта и вовсе не было, поэтому вариант пришлось сразу отбросить.

Побродив по узким улочкам Ринермо около часа, я, наконец, нашел именно то, что искал – идеальное место для налета. Это место было как будто создано для нашего завтрашнего визита: узкая тихая улочка, никаких камер видеонаблюдения, один человек внутри, не цель – сказка. Мысленно попрощавшись с ней до завтра, я отправился в «Маму Клоринду».

Моя подельница управилась быстрее и уже ждала меня за столиком, вращая на пальце ключи от нашей новой квартиры на окраине Ринермо.

– Квартира на втором этаже с выходом на крышу, дома старинные и расположены близко друг к другу, так что, если что, можно уйти по крышам, – сообщила Катарина.

– С документами проблемы были?

– Не было. Оставила тётке залог за пару месяцев и копию удостоверения офицера вооруженных сил. Хозяйка жадная, но недалёкая. Сказала ей, что я секретарша, а капитан, то есть ты, вечером переедет.

Я засмеялся: – Капитан, значит? ну-ну... удостоверение, надо полагать, у тебя оттуда же, откуда и форма?

– Документы и правда принадлежали секретарше того офицера, которого я убила, а фото моё, – Катарина улыбнулась.

– Ай да девка, ай да умница! – воскликнул я и чмокнул довольную Катарину в пухлые губы.

* * *

Сорокашестилетний ювелир Люис Мернман посмотрел на часы, было без четверти восемь, и это значит, что через пятнадцать-двадцать минут он закроет дверь своей лавочки на ключ, опустит вниз тяжелую решетку, погасит свет и поднимется домой, в свою квартиру, что находится как раз над ювелирной лавкой.

Неожиданно за стеклянной витриной показались два силуэта, мужской и женский. Через несколько секунд открывшаяся дверь огласила лавку звуком китайских колокольчиков. К прилавку подошла молодая пара: смуглая девушка в длинном кожаном плаще и красном платке, повязанном на голове как бандана, и высокий крепкий мужчина в таком же плаще, как и его спутница, только с индейской бахромой на рукавах. Что-то в этой посетительнице сразу же насторожило ювелира. Что именно, Люис пока никак не мог понять. Походка вроде бы нормальная, одета дорого и даже со вкусом, разве что этот странный красный платок... «Да, именно платок. Этот аксессуар отлично подошел бы к армейскому камуфляжу или к какой-нибудь джинсовой куртке, но никак не к кожаному плащу. Мужчина, вошедший вместе со смуглянкой, скорее всего, военный. Вероятно, младший офицер.

Глаза внимательные, а походка, хоть и вальяжная, но пружинистая, как у спортсмена, видимо, принимал участие в боевых действиях», – рассуждал Люис.

Приветливо кивнув головой, ювелир расплылся в улыбке: – Чего желаете, господа?

Девушка улыбнулась в ответ: – Колечко у вас купила бы... небольшое, грамм на восемь, но с изумрудом. Есть у вас изумруды?

– Разумеется, госпожа, извольте.

Ювелир достал из кармана ключ и открыл замок на витрине возле кассы. Подняв глаза, Мернман увидел перед собой дуло пистолета, направленное ему прямо в лицо. В глазах девушки, державшей оружие, не было ни страха, ни злости, вообще ничего, кроме сосредоточенности, как у человека, который следит за ползущей по стене мухой, готовый в любой момент её прихлопнуть.

Голос мужчины вывел ювелира из оцепенения.

– Добрый вечер маэстро, меня зовут Марко и... это налёт. Сохраняйте спокойствие, и вы сможете сегодня же вернуться домой к вашей семье, в противном случае «Эсмеральда» наделает в вас дырок. Всё ясно?

Люис, как робот, кивнул головой.

– Замечательно, в таком случае не считите за труд, – посетитель бросил на прилавок открытую спортивную сумку, в которую ювелир дрожащими руками переложил те украшения, что были выложены на витрине.

«Боже мой, — думал Люис, — Боже мой, они наверняка меня убьют. Зачем им свидетель? Для этих людей ведь нет ничего святого, а человека застрелить не сложнее, чем справить нужду. Убьют, как пить дать, убьют». Мысли, одна другой мрачнее, метались у него в голове, как мечется дикое животное, пойманное в охотничью ловушку. Разумеется, он слышал о том, что Марко Хан благородный разбойник, который не убивает без нужды, но головорез, что стоял перед ним и с какой-то холодной улыбкой застегивал молнию на сумке, был скорее похож на уголовника, чем на героя романов и баллад.

— Спасибо, — как из тумана донесся до Льюиса голос налетчика. Крепкий удар в челюсть отправил ювелира в нокдаун. Оглушенный, он встал на четвереньки и попытался куда-то ползти, но девушка в красном платке ударом ноги перевернула его на спину. Упершись коленом в грудь поверженного ювелира и придерживая левой рукой его горло, налетчица принялась наносить удары по лицу. Бам... бам... бам... в ушах звенело, бам... бам!

— Довольно, Катарина, он вырубился, — остановил девушку я, — пора уходить.

Мы погасили свет и, закрыв дверь на ключ, быстрым шагом покинули ювелирную лавку. Всего в паре кварталов от места преступления находился полицейский участок, у которого нас ожидало вызванное заранее обычное желтое так-

си. Всё гениальное просто.

На центральной площади мы сели в другую машину и, доехав до ипподрома в южной части города, снова поменяли такси. Маловероятно, что жандармы выйдут на таксиста, который подхватил нас у полицейского участка, но если даже им удастся найти его и допросить, то след оборвется в центре города.

Примерно через два часа мы, наконец, добрались домой, заскочив по дороге к скупщику и превратив большую часть ювелирных изделий в денежные купюры приятного светло-зеленого цвета.

Я сбросил плащ и развалился на диване, Катарина села рядом и положила голову мне на плечо.

– Ну как? По-моему, все прошло как по маслу?

– Точно, моя маленькая, как по маслу. На мой вкус, несколько грубовато, но что нам оставалось делать. Не вырубь мы ювелира, он поднял бы шум, а нам до такси пару кварталов пешком... А ты молодец, хорошо его отделала, думаю, пришел в себя он минут через сорок, не раньше, – усмехнулся я.

Катарина улыбнулась: – Я старалась попасть в угол челюсти, чтобы быстро и чисто, но почему-то не попадала, вот и пришлось повозиться. А почему ты назвал меня Эсмеральдой?

– Ты попросила у этого борова колечко с изумрудом, а изумруд по-испански именно так и звучит – эсмеральда. А

тебе, и правда, нравятся изумруды?

– Не знаю. Никогда об этом не задумывалась, – пожала плечами Катарина.

Глава 5

В общей сложности наша добыча составила около десяти тысяч золотых долларов Альянса. Не слишком много, но для пустякового дела очень даже неплохой гонорар. Мы свою работу сделали, теперь пусть поработают местные жандармы, которые за последние десять лет вряд ли видели что-то, серьезнее мелких краж и семейных скандалов.

БУМ! Пробка от бутылки с шампанским попала в потолок и отколошетила точно в открытую форточку вентиляции. Я улыбнулся неожиданной точности, бывает же. Белая пена вырвалась из своей темницы.

– Сюда её давай, сюда, – засмеялась Катарина, и я направил фонтан прямо на свою поделницу, которая удобно устроилась в огромной пенной ванне.

– Просто пришел сообщить тебе, что нам принесли пиццу, так что, когда тебе надоест тут валяться... – Поставив бутылку с шампанским, я направился к выходу.

– Подожди меня! – Катарина встала, быстро смыла с себя пену под душем, набросила на плечи махровый халат и шагнула прямо ко мне в объятия. Её пахнувшие шампанским губы прикоснулись к моим губам, и мы слились в долгом поцелуе. Как же это всё-таки здорово, быть первым мужчиной, которого узнала твоя девушка. Бьюсь об заклад, что в наше время разврата и беспорядочных половых связей найти де-

вушку, у которой никого не было до тебя, это всё равно, что выиграть миллион в лотерею – вроде бы возможно, но ни у кого почему-то не выходит.

Весь день мы провели дома, за просмотром фильмов по альянс ТВ, периодически улучшая настроение дорогим шампанским.

– Что будем делать завтра, Марко? – зевнула Катарина, полулёжа на кожаном диване перед телевизором. – Может, хозяйку навестим?

– А почему бы, собственно, и не навестить? Тётка, судя по всему, богатая... избавим её с мужем от финансовых излишков и рванём на юг. Есть у меня знакомые, у которых можно остановиться в Багре... – Я задумался, перебирая в уме варианты. – В Анарте тоже есть.

– Из Ринермо на поезде поедem? – спросила Катарина.

– Ну да. Доберемcя до Урска, а там присмотримcя, может, пару байков возьмем... Любишь байки?

Глаза моей подельницы загорелись от восторга.

– Да, да, байки очень люблю! Большие, хромированные и рычащие.

– Именно... – произнес я и провалился в приятную дрему. – Завтра с первыми лучами солнца, а может, и чуть позже мы проснемся и не торопясь перейдем к осуществлению наших планов. Завтра, всё будет завтра, – рассуждал я, лежа рядом с Катариной под толстым стеганым одеялом.

Однако завтра наступило гораздо раньше, чем мы ожидали, и было оно совсем не таким, каким его можно было представить сегодня. Около четырёх часов утра я проснулся от необъяснимого тревожного чувства. Сначала мне показалось, что мой внутренний голос совершенно отчетливо произнес строки из Библии: «Придет же день Господень, как тать ночью...» Эта мысль, будто направленная кем-то в мой разум, была поистине оглушительной, как если бы мне прокричали её в самые уши. Не понимая, что происходит, я сел на кровати и обхватил голову руками.

– Марко! Катарина! – снова услышал я, только теперь этот голос звучал не у меня в голове, а из другого конца нашей спальни. Я поднял глаза и увидел темный человеческий силуэт на фоне окна.

– Не надо бояться, – произнес он, опережая наши мысли. – Я – посланник. В голосе незнакомца было столько внутренней силы, что казалось, закричи он – и здание разлетится на куски, как спичечный домик.

– Почему же ты таишься в тени, я не вижу твоего лица, – выдавил из себя я и сам не узнал своего голоса.

– Я не таюсь, – равнодушно произнес ночной гость. – Придет время видеть – увидишь. Сегодня начало конца. Те из людей, что смогут выйти сегодня из своих домов, не увидят прежнего мира, ибо его больше нет. Зверь с легионами демонов вышел из моря и сел на трон. Ты, – незнакомец указал на меня пальцем, – избран подобно тому, кто изображен на

спине у твоей спутницы.

– Я?! Как же убийца и разбойник может быть избранным?!

– Это мне неизвестно. Я просто посланник, – продолжал гость, – вам же говорю: идите туда, куда должны идти, и ничего не бойтесь, потому что и демоны вам покорятся. Кого можете очистить словом – очищайте, а кого не можете, избавьте от страданий, – незнакомец подошел ближе и перекрестил нас, затем положил правую руку мне на голову, а левую – на голову Катарины.

Лицо посланника не выражало никаких эмоций, а глаза будто светились изнутри. Яркая вспышка света осветила всю комнату, и мы на несколько секунд потеряли способность видеть, когда зрение к нам вернулось, в комнате уже никого не было.

Ещё минут пять мы просто сидели и молчали, не в силах выдавить из себя ни звука. Первой заговорила Катарина.

– Так вот они какие, ангелы...

– Да... – задумчиво ответил я. – Так я их себе и представлял, но одно дело представлять, совсем другое – увидеть своими глазами.

– Что он говорил про зверя, ты понял? – рука девушки легла на моё плечо.

Я накрыл руку Катарины своей рукой и процитировал строки из Откровения Иоанна Богослова.

1 И стал я на песке морском, и увидел выходящего

из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные.

2 Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

3 И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю,

4 и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?

5 И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца.

6 И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе.

7 И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем.

8 И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира.

9 Кто имеет ухо, да слышит.

10 Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых.

– Значит, это конец... вернее, начало конца, – прошептала

Катарина и с детским испугом заглянула мне в глаза.

– Страшно тебе, цветочек, – усмехнулся я, прижав девушку к себе. – Не бойся, маленькая, не бойся.

Моя спутница уткнулась головой мне в грудь и обняла меня в ответ, да так, что у меня перехватило дыхание.

– Не буду бояться, – сорвалось с её губ. – Обещаю...

Первое, что я услышал, когда окончательно вернулся в реальность, это полный ужаса женский крик, просивший вызвать не то полицию, не то скорую помощь. Затем раздался ещё один вопль, уже мужской и ещё один. Я подошел к окну, раздвинул шторы и... замер, ошеломленный открывшейся передо мной картиной. Все соседние дома были разрушены или сильно повреждены, как бывает после мощного землетрясения. Кое-где полыхали пожары, и кричали люди. Мне приходилось видеть нечто подобное в Заграде после ковровых бомбардировок, но там кричали умирающие солдаты регулярной армии или бойцы повстанческих отрядов, здесь кричали мирные горожане, бесконечно далёкие от войны и от всего, что с ней связано. Каждый из нас в глубине души понимает, что взявший меч – от меча погибнет, смерть на войне не просто ожидаема, она закономерна. Со всем другое дело – смерть в мирное время, смерть людей, до боли привязанных к своему уютному материальному миру, который они сами создают и за которым они бережно ухаживают, как ухаживает хозяйка за своим любимым растением на подоконнике.

– Света нет, телефон не ловит, – сообщила мне Катари-
на, – похоже, весь город накрыло.

– Да... Ринермо больше нет. Собирай наши вещи, до-
ждемся рассвета и рванем.

Глава 6

Утром мы с Катариной оставили нашу съемную квартиру и, перекинув армейские сумки через плечо, пошли по направлению к южной трассе. На развороченных ночным землетрясением улицах не было ни души.

– Тихо, как в склепе, – передернула плечами Катарина.

«Невероятно точное сравнение, – подумал я, – точнее и не скажешь, как в склепе». Весь город превратился в руины, под которыми нашли свой покой застигнутые врасплох горожане.

– Смотри, Марко! – Катарина указала на железные ворота с вывеской «Автосервис». – Зайдем?

– Конечно, зайдем. Марш-броски не мой конёк, да и выбираться надо из города... – Я ухватился за бетонную ограду, подтянулся и спрыгнул во внутренний двор. Следом за мной с интервалом в несколько секунд на асфальт мягко приземлилась Катарина. Ремонтный ангар был практически полностью разрушен землетрясением, но на стоянке под открытым небом нас дожидались одиннадцать целых и невредимых автомобилей, готовых к выдаче.

Посоветовавшись, мы решили взять черный внедорожник с тонированными стеклами. Катарина позаимствовала из пустой будки охранника ключи, я загрузил в машину наши сумки, и уже через пару минут мы покинули автосервис на чьей-

то машине.

– Как думаешь, другие города тоже зацепило? – спросила Катарина.

– Думаю, да, во всяком случае, ангел сказал, что миру конец, хотя... кто знает, что именно он имел в виду. А ты как думаешь?

– Мне кажется, что во всем мире не осталось ничего, кроме руин и этой бесконечной заснеженной дороги... – задумалась девушка.

– Грустно? Ничего, сейчас загрузим нашего коня, как следует, и еще до заката из города выберемся, а там, может, и не так все скверно... – попытался подбодрить свою спутницу я.

– Да нет, что ты! Мне не грустно совсем. Вот если бы я одна была, тогда да, а с тобой – ни капельки! – сбивчиво заговорила девушка, будто до смерти боялась показаться мне грустной.

– Почему ты не хочешь, чтобы я думал, будто тебе грустно?

– А кому нужна депрессивная унылая спутница с кислой миной... Хороша же из меня помощница будет, не помощница – обуза! Надоем тебе, чего доброго... – совершенно серьезно рассуждала Катарина.

Я засмеялся.

– Что за глупости, маленькая. Я не только в радости с тобой, но и в печали, до самого конца и даже после него, – повторил я свою любимую фразу. – Да и ангел нас вместе бла-

гословил.

С каждым моим словом улыбка моей спутницы становилась все шире, наконец, не в силах сдержать эмоции, Катарина остановила машину, вцепилась мне в ворот куртки и накрыла своими губами мои губы. На несколько минут мы оставили реальный мир и погрузились с головой в море первобытной безудержной страсти.

– Это было неожиданно... – выдохнул я, когда эмоции утихли, – неожиданно, но очень приятно.

– Точно, – согласилась со мной Катарина, – смотрелось, как в крутом кино, наверное. – Мы засмеялись и продолжили наш путь по разрушенному городу.

Однако не успели мы проехать и квартала, как, словно из ниоткуда, на дороге возникла женская фигура. Катарина ударила по тормозам, и машина остановилась в метре от незнакомки, которая даже не попыталась отойти в сторону.

– Что ж ты, тётенька, на дорогу не смотришь, никак жить надоело? – опустив стекло, беззлобно спросил я. Женщина проигнорировала вопрос и, не поднимая глаз, продолжала что-то бормотать себе под нос.

– Она, похоже, не в себе... – Катарина внимательно разглядывала незнакомку.

– Может, подбросить её куда, – рассуждал я, – хотя куда мы её подбросить можем.

Внезапно женщина упала на колени, держась руками за живот, и тихо застонала. Я вышел из машины и подошел к

распростертой на снегу фигуре. Как только я склонился над ней и протянул руку, чтобы коснуться её плеча, женщина молниеносным движением схватила меня за руку и, озираясь по сторонам, зашептала: – Бесы, бесы... в городе не осталось живых душ. Демоны входят без стука с острым ветром... В церкви бесы, в церкви... – женщина указала рукой на виднеющийся вдали купол храма. – Бегите отсюда.

Сумасшедшая упала на спину, и пальто, надетое на голое тело, распахнулось. Живот женщины был вспорот, а на дряблых грудях были вырезаны перевернутые звезды.

– Ничего себе... Никогда такого не видела, – проговорила Катарина, – как думаешь, кто её? Сатанисты?

Ноги женщины в поношенных ботинках перестали дергаться, глаза остекленели, а порыв ветра присыпал изрезанное тело чистым белым снегом.

– Черт его знает, может и сатанисты, – я понятия не имел, кто мог сотворить такое. – Прокатимся до церкви, посмотрим.

Стихийное бедствие, так неожиданно обрушившееся на город, каким-то непостижимым образом почти не тронуло маленькую православную церквушку, у ворот которой Катарина остановила наш внедорожник. Ни белоснежный фасад храма, ни золотой купол не пострадали от землетрясения, лишь одна из стен здания была проломлена упавшим строительным краном.

Мы вышли из машины и, осенив себя крестным знаменiem, шагнули внутрь. То, что я увидел внутри, потрясло меня до глубины души. Около упавшего паникадила стоял голый по пояс длинноволосый мужчина лет тридцати и справлял малую нужду. В нескольких шагах от него другой парень, присев на корточки, снимал скальп с мертвого священника. За двадцать восемь лет своей жизни я не видел ничего более ужасного и омерзительного, ведь даже на войне есть негласные правила и даже у самого жестокого сукина сына всегда есть некая черта, которую он никогда не пересечет. Услышав, как мы вошли, подонки почти одновременно повернулись в нашу сторону, и в их глазах я увидел не ярость, не страх и даже не пустоту, их лица просто сияли от... наслаждения, обыкновенного наслаждения, которое можно увидеть на лице добропорядочного семьянина во время воскресного пикника в парке. В следующее мгновение оба парня, не раздумывая ни секунды и не проронив ни слова, бросились на нас, как хорошо обученные сторожевые псы. Я приготовился встретить первого хорошим прямым и почти уже бросил свое тело в удар, но Катарина опередила меня – БАМ! БАМ! – два точных выстрела отправили нападавших в бессрочный нокаут. Мы подошли к распростертым на каменном полу телам. Я потер ладонью ухо:

– Здорово ты стреляешь, детка.

– Повезло, – пожала плечами Катарина.

Хрупкий, по всей видимости, женский, силуэт, облачен-

ный в такой же черный балахон, что и один из убитых нами вандалов, мелькнул в дальнем углу зала и исчез в проломе, который оставила стрела упавшего крана. Моя спутница бросилась следом за беглянкой.

– Только не в голову, по ногам бей, – крикнул я, на долю секунды опередив выстрел. – БАМ! – сдавленный крик известил меня о том, что Катарина снова попала в цель.

Выбежав наружу, я увидел молодую девушку лет двадцати, которая каталась по земле и стонала от боли, прижимая ладони к простреленному колену. Катарина стояла рядом и держала её на мушке.

– Кто вы такие? – я опустился на корточки возле девушки, которая сразу же перестала стонать и одарила меня пронзительным, полным ненависти взглядом.

– Мы те, кто делает соль солёной, а сахар сладким, – произнесла девушка хриплым прокуренным голосом, – мы ваши боги.

– Кто вы такие и кому служите, – повторил я снова, чувствуя, как моя кровь медленно закипает от ярости.

– Те, кто трахнул твою подружку штыком, – девушка указала пальцем на Катарину и засмеялась.

Не видя никакого смысла в том, чтобы продолжать разговор с демоном, я перевернул девушку на живот и, положив правую руку на подбородок, а левую на затылок, резким рывком сломал ей шею.

Обрушивающуюся на меня тишину, разорвал звонкий го-

лос Катарины: – Как думаешь, много таких, как они?

– Кто знает, маленькая, кто знает...

Преодолевая омерзение, мы вытащили тела подонков из церкви и бросили прямо на дороге, затем, взяв из подсобки лопаты, выдолбили в мерзлой земле подобие могилы и предали истерзанное тело священника земле.

Глава 7

Наш внедорожник летел по южной трассе, унося нас всё дальше от Ринермо по направлению к Урску. Вчера после происшествия в церкви мы с Катариной до самой ночи колесили по городу, отыскивая в руинах торговых точек съестные припасы и всё то, что должно было пригодиться нам в дороге. Последним подарком от города моей юности стал десятизарядный Glock, который я забрал у жандарма, убитого, по всей видимости, той же нечистью, что мы встретили в церкви. Теперь у нас было два ствола на двоих и восемнадцать патронов.

– Мало, конечно... – рассуждал я, пересчитывая наше скромное свинцовое богатство. – Ещё бы пару коробок насыпать по карманам, чтоб на душе спокойнее было.

– Это точно, – поддержала меня Катарина, – патронов много не бывает.

– Кстати, расскажи мне ту историю, после которой у тебя появилась трофейная офицерская куртка, – попросил я свою спутницу.

Катарина пожала плечами.

– Мы тогда скрывались в деревне, под Лянцами, в соседнем доме офицер остановился со своей секретаршей, она, похоже, одновременно и любовница ему была. А у нас форма летняя и продукты пару дней как закончились, вот и решили

навестить их. Меня у черного хода оставили, на всякий случай, и что ты думаешь, подполковник именно через черный ход и вышел то ли покурить, то ли просто прогуляться. Я с перепугу ударила прикладом, попала в висок, он и отмучился. Не успела толком прийти в себя, как за ним его секретарша вышла. Завязалась борьба, автомат у меня выпал, и мы покатались по снегу. Мне тогда крепко досталось, но я всё-таки смогла подмять её под себя и задушить. Повстанцы тем временем вошли в дом и троих солдатиков из охраны подрезали, без единого выстрела. Вот, собственно, и вся история. Мы тогда очень радовались нашей маленькой победе, дети... мыслей – меньше, а эмоции через край...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.